

**Читайте цикл
«Женская сага»:**

Обмануть судьбу

Искупление

Волчья ягода

Счастье со вкусом полыни

Ведьмины тропы

Рябиновый берег

Багряный рассвет

Элеонора Гильм
Багряный
рассвет

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Иллюстрация на обложке *Ники Рошед*

Гильм, Элеонора.

Г47 Багряный рассвет : роман / Элеонора Гильм. —
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231898-6

Сусанна и Петр Страхолюд переселяются в славный город Тобольск, столицу Сибири. Кажется, у молодой семьи все должно быть ладно. Два сынка и дочка, дом — полная чаша. Но что-то разъедает их счастье изнутри. Сусанна пытается умиловить мужа, но... хорошие, честные люди порой бывают так безжалостны.

Им предстоит пройти через многое, чтобы обрести друг друга. Или... потерять?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231898-6

© Гильм Э., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ГЛАВА 1

НЕ ГРЕХ

1. Новый сынок

Она любила предрассветное время, когда все обитатели избы еще спали.

Кутался Фомушка — нарочно для него подбила одеяло медвежьей шкурой, лишь бы не мерз. Тихонько посапывала дочурка — счастье, сероокое да темноволосое. Скоро зыбка станет ей мала. Быстро бежит время, как сибирская реченька по камням...

Сусанна вздохнула и подставила ладони ласковому огню. Уютно пахло дымком и смолистым духом. Привыкла она к чувалу — этот малый очаг, следуя обычаю местных народцев, завела в избе. При свете его удобно растапливать печь, заниматься утренними хлопотами, пряхть.

Там, за бревенчатой стеной, — мороз. После ночи студеным тянет от окон, закрытых ледяными пластами.

Впереди — долгий день. Только он вовсе не страшит. Привыкла, обжилась, сколько лет уж тянет на себе немалое хозяйство. Быстрой рукой заплела косы, надела чистую рубаху, подпоясалась красным, плетеным своей рукой поясом. Чуть подумав, выбрала теплую, подбитую куделью однорядку.

Пора и за хлопоты приниматься. Она вытащила закуску, понюхала — не испортилась ли? Взяла берестяную кужонку¹ — довольно муки, чтобы замесить тесто на три каравая.

¹ Кужонка — берестяная корзина.

— Тр... ф... м-м... Тр-р-р...

Застонал, заворочался муж. Сусанна подавила в себе неотступное желание подойти, погладить по разгоряченному лбу, утешить.

Нет.

Скинет руку, поглядит недовольно... Пусть сон подарит ему покой и забвение. А не жена.

Уже сколько минуло, а все не забудет да не простит.

— Хозяйка, я тут.

Низкий девичий голос, что тверже обычного выговаривал слова, оборвал ее беспокойные думы. Сусанна отозвалась ласковым:

— Молочка выпей, да за работу.

У остяков звали ее Евья. При крещении по настоянию хозяйки нарекли Евсевией, Евсей — чтобы новое имя казалось знакомым. Появилась она в их доме больше года назад. Петр привез Евсю из селения остяков¹, что уничтожено было тайной хворью. Друзья отговаривали, твердили о сглазе, а Сусанна решила взять девочку.

О том не жалела ни единого мгновения. Евся схватывала на лету русские слова, научилась молиться, бить поклоны. Помощницей оказалась ловкой и неутомимой.

Евся налила из кринки молока, осушила залпом, будто пьяница — сладкое вино, вытерла белые усы, нацепила теплый тулупчик с хозяйкиного плеча и пошла в сараюшку — доить коровенку Княтуху.

Муж вновь забормотал что-то неразборчивое, но оттого не становившееся менее мучительным. Разбудить да пожелать доброго утра? Но руки Сусанны проворно колдовали над хлебом, сажали ноздреватый ком теста

¹ О с т я к и — старое название племени ханты.

на капустный лист, ставили его в печь. И вовсе не спешили к Петру Страхолюду.

Заворочалась в зыбке дочь. Она просыпалась вместе с матушкой, словно чуяла, что бабья жизнь такая — неугомонная, начинается с первыми петухами. Некогда нежиться в постели, лентяйке стыд да позор.

— Спи, милая. — Сусанна отряхнула муку, налипшую на руки, подошла к зыбке, пригладила взъерошенные темные волосы, поцеловала лоб — и дочка, пробормотав: «Ма», вновь заснула.

— Хозяйка, а хозяйка! — Евся все не могла запомнить, что звать ее надобно Сусанной иль теткой Нютой, предпочитала ясное «хозяйка». — В ворота колотить. Сыина¹.

Сусанна привыкла, что помощница добавляла остяцкие словечки к месту и не к месту, но от ее «сы-ыина» мороз пробежал по телу — будто какое-то предчувствие охватило Сусанну. Она перекрестилась на лик Богородицы, и морок прошел.

Псы, подтверждая слова Евси, захлебывались лаем, но не хриплым, злым, а будто бы озорным, веселым. Чуяли кого-то знакомого.

— Останься здесь. Ежели что, разбудишь хозяйна, — велела Сусанна.

Накинув длинную распашную телогрею, она пошла к воротам. Сердце чуяло: непростой гость пожаловал.

* * *

— Пустишь?

Смоляной факел отпугивал тьму и освещал незваного гостя. Борода его заиндевила, брови, ресницы — все покрылось колкими льдинками. В прошлом остался юнец. Сусанна невольно порадовалась тому, как возму-

¹ С и џ а — громко (*хант.*).

жал — высоким стал, плечистым, хоть и далеко ему до Петра.

— Проходи, и спрашивать нечего!

Отворила калитку сбоку от широких ворот, пустила во двор гостя. Тяжело переступал — видно, устал с долгой дороги. Тулуп занесен снегом, на плечах — основательный мешок с добром, за поясом — сабля.

— Не прогонишь?

Спросил не жалко, а будто бы даже с укором: мол, ежели выгонишь, какая ты баба. Младший мужнин братец — не по крови, по клятве. Непросты у них отношения. Да оттого не превратился в чужака.

Ромаха спустил с плеч суму, развязал веревку, оказалось, что это торба из овчины, приспособа. Только Сусанна открыла рот, чтобы подивиться такому, как он осторожно залез в меховой мешок и вытащил наружу не кутенка — мальчонку в рубашке темного льна.

— Сбереги сынка.

Ромаха отдал ей сонного или хворого — впопыхах и не разобрала. Поклонился в пояс и, даже не погревшись у печи, пошел прочь, в утреннюю темноту.

Сусанна прижала к себе мальчонку, крепко, будто и правда так можно было сберечь от всякого худа, крикнула вслед:

— Что с женкой твоей?

Ответ Ромахи унес бродяга-ветер.

* * *

В полдень все собрались за обедом. Петр — в красном углу, с видом суровым. В серых глазах его Сусанна усмотрела недовольство.

Дети сидели, словно воробышки, на самом конце стола. Фомушка ел осторожно, пробуя кашу на вкус.

Ромахин сын, Тимошка, только стучал ложкой. Дважды добавляла ему варева, и все было мало — успевал втихомолку залезть в соседнюю миску. Добрый Фомушка и не думал возражать, делился гороховой кашей, да еще улыбался: мол, гостю ничего не жалко.

В избе было тихо. Издалека доносились чьи-то голоса, скрипели полозья саней. Сусанна стояла, готовая принести-унести, и словно не замечала хмурого вида Петра.

— Один сын есть, и второго вырастим. Ужели отдадим чужим людям?

Сусанна заговорила о том, измучившись ждать мужнина решения. Уже два денька минуло, как Ромаха принес своего сынка. Боле о младшем братце вестей не было — словно под землю провалился. А скорее всего, ушел казачьими тропами и далече уже был от города.

Тимошка наелся досыта, Сусанна отмыла его щелком и теплой водой. Сын Ромахи пришелся ей по душе: бойкий, с милой рожицей. Помнит его маленьким да слабым, а вон как вырос!

— Петр?

— Будто и так не ясно. Малец — внук Бардамая, друга моего верного. Вырастим и человеком сделаем. Получше, чем...

Он не договорил, да и так понятно было, о ком речь: о беспутном Ромахе.

— Не учен, — сказал Петр, поглядев, как принялся резвиться Ромахин сын. Весь извертелся, будто и не за столом сидел, уронил ложку, показал язык Фомушке, а опосля и махонькой Поле. Та только глазенки тарачила в ответ и краснела. Такого безобразия в их семье отродясь не бывало.

— Ежели отец черт веревочный, чего от сына ожидать... Тимофей, угомонись!

От железа, что зазвенело в голосе его, родной сынок подпрыгнул на лавке, Полюшка спряталась в уголке, за большим кованым сундуком, а Тимошка поднял темную головешку да тут же отвернул, будто и не понял, что его зовут. Острижен коротко, а все ж видно, волосы вьются, на голове две макушки — добрая примета. Глазенки хитрые, сам верткий. Куда до него спокойному Фоме!

Все ж уразумел, что им недовольны, принялся резво доедать, будто хозяин дома решил забрать его варево.

Сусанна проглотила слова о том, что мал еще Ромахин сын, как, впрочем, и Фомушка; что обучатся всему, что надобно, куда им деваться. И товарищ в играх их спокойному, чуть медлительному сынку не помешает.

— Тимофей! — Петр отставил миску — ни единой горошинки не осталось на донце. Не наестся мужикам постной-то пищей. — Иди-ка сюда.

Мальчонка послушно встал и бойко, без страха подошел к Петру Страхолюду. Большой, сильный, разгневанный, а рядом — маленький и глупый. Сусанна вздрогнула: она была куда трусливей Ромахиного сына.

— Гляди! — Петр сказал так мягко, что все обитатели избы выдохнули. — Мы взяли тебя в дом, будем растить и жизни учить. Тебе надобно слушать меня и... мать. А ежели не будешь почтительным да работающим, розги всегда под рукой. Вон, у двери висят. И Бога не забывай благодарить за милость.

Тимошка мотнул головой, и не понять было, согласился малец иль осмелился спорить.

— А ну-ка скажи, все понял?

— Не говорит он, только лопочет. Что — не разобрать, — наконец вмешалась Сусанна, поклонилась строгому мужу и, взяв за руку мальчика, увела подальше.

Улыбнулся бы Петр ей в ответ, провел рукой по стосковавшимся плечам, распустил бы ее косы — как в былые времена. Теперь все одно: служба с утра до ночи,

пост или иные запреты, дурные сны или темная явь — все, лишь бы забыть о женке.

Она подавила вздох.

Подошла к мальчонкам, сказала обоим ласковое, но строгое: «Отец глядит», провела по головенкам — светлой и темной, улыбнулась мимоходом. Спиной чуяла: муж жжет ее взглядом. Не была ни в чем виновата, а до сих пор расплачивалась. И сын Ромахи, махонький Тимошка, оказался в том же туеске.

В сенях загрохотало, и Сусанна сбросила морок. Евся принесла с ручья воду. Надобно покормить корову да телка и приниматься за уборку. Изба грязна — хозяйка плоха.

* * *

Петр Страхолюд перевез семью в Тобольск боле двух лет назад. Пообещали ему жалованье на две чети¹ зерна выше, чем на старом месте; два рубля на обзаведение хозяйством; избу, ставленную каким-то служилым для себя.

Безо всяких раздумий он согласился.

За Петром последовали верный друг Афоня с Домной и детьми, Волёшка, крещеный вогул, и, неожиданно для всех, Пахом и Егорка Свиное Рыло, всегда готовый поспорить с десятником. После долгих челобитий верхотурскому воеводе, князю Пожарскому-Лопате², и при посредничестве дьяка, умасленного красным кафтаном, желаемого они достигли.

Всякий знал, Тобольск — стольный град Сибири. Давно основан. Богат, шумлив, полон люда и надежд. Как противиться зову его?

¹ Четь — мера сыпучих тел. Объем разнится, в Сибири четь обычно равнялась четырем пудам, то есть 65 килограммам.

² Речь о Дмитрие Петровиче Пожарском по прозвищу Лопата. Был воеводой в Верхотурье в 1625–1627 гг.

Только за разумными и взвешенными доводами, которыми сыпали все вокруг Петра и он сам, подпив хмельного меда, женка чуяла иное. В руках, что дергаными движениями перебирали вервицу, в блеске серых глаз, что раньше были куда спокойней, в морщинах, перерезавших лоб и сразу состаривших ненаглядного мужа на десяток лет, крылся укор. И нежелание оставаться по соседству с братцем-срамником.

Стелилась ласточкой, снимала сапоги с его усталых ног, мазала зеленым варевом раны, шептала: «Ужели ты забыл, я твоя, Страхолюдова девка, теперича Страхолюдова баба». Только он будто и не слышал.

Сусанна не сразу привыкла к Тобольску: город казался шумным, разгульным, пьяным и шалопутным. Он бурлил людскими реками: казаки в разноцветных шапках, сдвинутых набекрень; дерзкие стрельцы; важные государевы люди — попробуй не уступи дорогу; бухарцы и татары в ярких одеждах да с узкими глазами; местные девки, обряженные как русские, — иная с детьми, женка или наложница казачья.

А потом разглядела иное. Маковки церквей, резные иконостасы. Кресты, вздымавшиеся на старом кладбище. Иноков и инокинь, что отмаливали грехи, — в том числе ее, Аксиньиной дочери.

* * *

Тимошка, сын Ромахи, всякий раз удивлял своей дикостью и непослушанием. Хоть не мог толком сказать ни слова — так, бормотал что-то, взвизгивал иногда от избытка чувств, — бедокурил он без продыха. И за собою вел старшего Фомку и младшую Полюшку. Экий чертенок!

То убегали втроем со двора, не испросив разрешения. Сусанна отыскивала их на соседней улице. Мокрых, извалявшихся в снегу и залиvisto смеявшихся.

То били горшки. Однажды недосчиталась двух лучших посудин. Лупила розгами безо всякой жалости по розовым задочкам — и Тимоху, и Фому. Оба кряхтели, смаргивали слезы, виновато качали стриженными головенками: мол, так больше не будем.

То отыскиали в сундуке волка — оберег, подаренный Петру Страхолюду вогулами. Принялись пугать им сестрицу — а той много не надо, ударилась в слезы.

То издевались над Белоносом, приморозив его хвостом к ледяному накату.

То...

Горюшко!

Сусанна справлялась сама, не жаловалась мужу: увещевала, кричала, отбирала горшки и вогульского волка с глазами-бусинами, отливала водицей несчастного пса, хваталась за розги. И тут же целовала чумазые мордашки, не разбирая, где щечки своих каганек, где — приемыша, кормила пышными пирогами; пела потешки, кутала их, озябших, в тулуп, порой, уставши после маетного дня, прижимала к себе и благодарила Господа.

Тимошка прудил ночами, иногда кричал на всю избу — чудом не будил Петра! Она меняла мокрую солому и просила святых заступников отвести хворь. Не выдержала, пожалилась Богдашке. Молодой характерник дал сверток с травами, горькими на вкус, да зато действенными — через седмицу приемыш уже не мочил солому.

Двое сынков, здоровых, бойких, милая дочка с серыми, чуть разбавленными синевою глазами, — столько счастья нажила за два десятка лет. Фомушка принимал материну ласку спокойно — привык сызмальства, дочка пищала тихонько, будто котенок.

Ромахин сын сначала дичился, смотрел исподлобья. Не знал дитенок, не ведал, что жили они когда-то вместе, на верхотурском подворье старой Леонтихи, одной семьей. Сусанна тогда кормила грудью своего Фому —

и заодно подкармливала Тимоху, у матери его, Парани, молока толком не было.

Махонький, слабый, Ромахин сын тогда выжил чудом. Как говорила Параня, спасли материны молитвы и Нюткино молоко. О том не говорили Тимошке, не ворошили прошлое. Считала Сусанна его сыном своим, была с ним и добра, и строга — всего в меру.

Мальчонка скоро отмяк. Прижимал ее к себе крепко-крепко — обхватывал двумя ручонками, будто боялся потерять. Тому не дивилась, жалела оставшегося сиротой при живом отце, целовала в макушку, двойную, темную, с завитками, что отрастали быстро, за несколько седмиц.

— Амушка, — бормотал он.

Тимоха заговорил на днях: одно словцо корявое молвил, второе, что-то неясное забормотал... А скоро, наслушавшись Фомы и махонькой, но бойкой, разговорчивой Полюшки, и вовсе разошелся. Путал буковки, жевал словечки — зато говорил.

— Амушка омя.

Тимошкины слова — как и ласка родных детей — отзывались сладким ворохом где-то возле сердца. Норовистый, дикий, а как жаждет человеческого тепла и заботы.

Криксы да плаксы¹,
Летите вы за девять морей
Да девять земель.
На десятом царстве
Стоит сосна высокая,
Корни небо-то обхватывают,
Вершина вниз глядит.

¹ Криксы, плаксы — существа из народных поверий, которые приходят к детям, щекоткой, щипками и прочими ухищрениями мучают, не дают заснуть.

БАГРЯНЫЙ РАССВЕТ

На сосне той люльки да зыбки,
Няньки да потешницы.
Одеяла пуховые да перины мягкие.
Там есть кому качать,
Есть кому целовать¹.

Пела, потом прижимала ладошку к животу. Там шевелилось дитя, зачатое на исходе лета. По всем расчетам выходило: рожать к апрелю.

* * *

Сусанна хлопотала по хозяйству да радовалась новому дому, славной усадьбе — не во всех казачьих семьях такой порядок.

Обустроились они в Тобольске крепко. Здесь, в Сибири — хоть в городе, хоть в сельской слободе, хоть на заимке — иначе нельзя, легкомыслия суровая земля не прощала.

Дом еще прошлым хозяином рублен был добротню. О пяти стенах, с высоким подклетом, чтобы алчный паводок не добирался до запасов. С холодными и теплыми сенями, с гривастым конем на охлупне². В избе была большая истобка³ да еще две холодные клетки — в одной хранили одежду да всякое в сундуках, в другой — съестное.

Петр постарался: к обычным волоковым оконцам прирубил красное, со слюдяными окончинами, чтобы

¹ По мотивам колыбельной, записанной в Сибири. Здесь и далее авторские стихотворения, песни, вдохновленные русским народным творчеством.

² О х л у п е н ь — деталь крыши на традиционных деревянных русских избах. Конек, выдолбленное бревно, которое закрывает верхний стык двух скатов кровли.

³ И с т о б к а — отапливаемая часть русской избы.